

А много ль корова дает молока?

В новейшей истории российского АПК ситуацию в молочной индустрии, наверное, можно назвать одной из самых странных. До сих пор нет понимания, какой сектор развивать – частный или индустриальный. В отрасль уже пришли международные компании, но российских инвесторов по-прежнему ничтожно мало. Все заявляют о том, что именно за Россией будущее новой аграрной и, в частности, молочной державы, но в страну увеличивается поток импорта. О том, какова на самом деле ситуация в отрасли, мы беседовали с руководителями отраслевых союзов, участниками рынка и представителями иностранного капитала.

Головокружение от успехов?

По заявлению правительственных органов, отечественная молочная индустрия уже вышла из кризиса. И хотя некоторые трудности до сих пор мешают развитию отрасли, основные вопросы уже решены. Производство молока в 2012 году, по сведениям Минсельхоза России, достигло 32 млн тонн. «Нам впервые за 20 лет удалось переломить негативную тенденцию снижения поголовья. По итогам прошлого года прирост поголовья – 100 тыс. голов», – отмечала в марте этого года предыдущий министр сельского хозяйства России Елена Скрынник, не уточняя, впрочем, что на сельхозпредприятиях сокращение продолжалось, а прирост поголовья наблюдался лишь в фермерских хозяйствах.

Стагнация отрасли, вызванная засухой 2010 года и последующим резким повышением цен на молоко, которая наблюдалась в течение прошлого года, практически преодолена. Более того, наблюдается восстановление потребительского спроса, говорит исполнительный директор Российского союза предприятий молочной отрасли Владимир Лабинов: «Если летом 2010-го и на всем протяжении 2011 года, когда молочная полка перешла в новую, более высокоценовую нишу, рынок продемонстрировал явные признаки падения, то сегодня ситуация изменилась».

Кроме того, с марта этого года намечилось небольшое снижение цены в рознице. Если погодные условия не изменятся, то вполне можно ожидать, что и к осени молоко на полке будет продолжаться дешеветь. Рост потреби-

тельского спроса станет более ощутимым.

С другой стороны, как только падение отрасли прекратилось, стало очевидно, что предстоит сделать еще очень многое. Как замечают участники, рентабельность бизнеса на этапах «от поля до прилавка» сильно различается. Если на стадии переработки молока сегодня иметь прибыль вполне реально, то это в очень редких случаях можно сказать о производителях молока. Развивать молочный КРС в условиях российской действительности по-прежнему невыгодно. Во многом все упирается в отсутствие «длинных денег» и генетического потенциала существующего поголовья. Многие предприятия работают исключительно благодаря энтузиазму руководителей.

Ставки сделаны

Для того чтобы предприятия смогли выполнить взятые на себя обязательства, необходимо увеличить срок кредитования до 20 лет. Это краеугольный вопрос для российских аграриев, именно его нерешенность ставит отечественную молочную отрасль вне рамок конкуренции с зарубежными производителями.

«Основной проблемой отрасли как в мире, так и в России является длительная окупаемость проектов. В совокупности с несовершенством системы государственной поддержки, которая на сегодняшний день не обеспечивает нормальный уровень рентабельности производства. Такие условия делают молочную отрасль неконкурентоспособной и инвестиционно непривлекательной», – замечает председатель правления Национального союза производителей молока («Союзмолоко») Андрей Даниленко.

В отрасли вообще сложилась парадоксальная ситуация. Предприятия, стремящиеся соответствовать современным технологиям, максимально перевооружать производство, находясь в наиболее тяжелом положении. Их закредитованность достигла в ряде случаев предела.

По сути дела, государство, призвав участников отрасли к перевооружению, не смогло обеспечить защиту от нестабильной экономической ситуации. Аграрии в полной мере ощутили последствия засухи, колебания цен на удобрения и зерно.

«У российских аграриев срок кредитования составляет 7–10 лет при 10–11% ставки. Что же касается эффективной ставки, то она достигает 12–13%. Ставка рефинансирования, которую нам компенсирует государство, составляет чуть более 8%. В итоге мы платим 5%», — говорит директор ООО «Агрофирма «Трио» Евгения Уваркина.

Но это далеко не всё, нередко случается, когда погашение ставки рефинансирования кредита со стороны государства существенно задерживается, в региональных бюджетах просто нет для этого средств. Здесь речь идет уже об эффективности работы государственных органов, и, как отмечают участники отрасли, она не всегда бывает оперативной.

Проблема в другом, считает Владимир Лабинов, в корне неверна сама политика поддержки отрасли: «То, что мы видим сегодня, больше напоминает бездумную раздачу денег. Как следствие, мы видим крайнюю степень закредитованности ряда предприятий отрасли и прочие негативные явления».

Никакого понимания, как и каким образом расходуются средства на поддержку отрасли, нет, а выделение средств вовсе не означает их эффективное и грамотное использование.

Не в коня корм

«В Европе фермер платит за кредит 3–4% и получает инвестиционные кредиты на 15–25 лет. На короткие кредиты ставка варьируется от 0,5 до 4%. Более того, основной упор сделан на перевооружение», — замечает Евгения Уваркина.

В одном из итальянских регионов — Ломбардии — до 50% средств, выделяемых на сельское хозяйство, идет на поддержку молочной отрасли. Из них около 40% идет на дотации на перевооружение отрасли в соответствии с новыми современными технологиями.

Примерно так же дело обстоит в Белоруссии, где первоочередной задачей является не получение прибыли, а восстановление и сохранение производственных активов. Если предприятия испытывают трудности, долги переводятся на государственный счет.

В России ничего подобного нет. Как следствие, крайне технически неэффективная культура ведения бизнеса,

Без «длинных денег» производители вынуждены лоббировать повышение закупочной цены на молоко, что в итоге негативно сказывается на всей отрасли.

В молочной отрасли сложилась парадоксальная ситуация. Предприятия, стремящиеся соответствовать современным технологиям, максимально перевооружать производство, находятся в наиболее тяжелом положении. Их закредитованность достигла в ряде случаев предела.

недостаток кадров и недостаточно квалифицированный менеджмент. Если в Европе нормой считается надой в 10 тыс. килограммов с коровы в год, то в России этот показатель находится на уровне 4,5 тыс. кг. Это даже ниже, чем в соседней Белоруссии, соглашается директор по связям с общественностью и государственными органами группы компаний «Danone-Юнимилк» в России Марина Балабанова.

«За время реализации национального проекта мы не смогли догнать своих конкурентов из других стран по уровню модернизации, эффективности производства, государственной поддержки и системы кредитования», — констатирует Андрей Даниленко.

Все это происходит вследствие слабости культуры ведения бизнеса и непонимания особенностей отрасли, считает исполнительный директор Российского союза предприятий молочной отрасли Владимир Лабинов: «Пожалуй, самое главное — это непонимание того, что молочное животноводство, помимо товарного молока, всегда должно иметь дополнительную товарную продукцию в виде племенного молодняка маточного поголовья. Это способствует снижению себестоимости, повышению рентабельности производства благодаря существенному увеличению выручки от реализации дополнительной товарной продукции».

Кто больше?

Без «длинных денег» производители вынуждены лоббировать повышение закупочной цены на молоко, что в итоге негативно сказывается на всей отрасли.

«Вообще, то, что мы наблюдали в прошлом году — это дисбаланс в цепи «сырье — переработка — спрос». Растущая цена хороша, только когда сопровождается увеличением потребительского спроса. Во всех остальных случаях повышение цены будет негативно сказываться на отрасли, давая лишь кратковременный эффект в ущерб

стратегическому развитию. Так что, если закупочная цена на сырье будет неадекватно потребительскому спросу подниматься, мы рискуем в который раз наступить на грабли, как это было в 2007 и 2010 годах», — предостерегает Владимир Лабинов.

О том, что закупочная цена на российское сырое молоко гораздо выше европейской, знают практически все. Во многом данный ценовой коридор удалось получить благодаря договоренностям с компаниями «Danone-Юнимилк» и Pepsico («Вимм-Билль-Данн»), являющимися одними из крупнейших переработчиков молока в России. В среднем по отрасли цена находится в коридоре от 8 до 16 рублей, и это притом что еще совсем недавно нижний порог был выше 10 рублей. Несмотря на то, что цена относительно прошлого года снизилась, она по-прежнему остается выше уровня предшествующих лет.

Повышение цены — вынужденная мера, говорят производители молока. «Производитель как конечное звено производственной цепи оказывается зажат с одной стороны ростом естественных монополий, с другой — переработчиками. Двигаться ему просто некуда», — говорит директор «Агрофирмы «Трио» Евгения Уваркина, отмечая, что «бесконечно поднимать молочную полку нельзя».

Война форматов

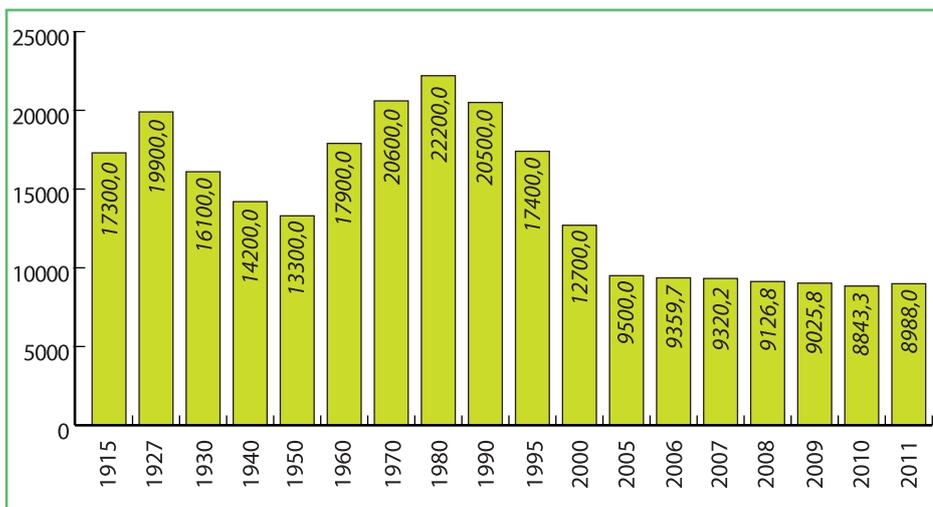
В отрасли нет четкого вектора развития отрасли. Необходимо для начала понять, какой сектор будет в приоритете, и только после этого выстраивать программу. Сегодня же мы видим, что идет постоянная борьба между сторонниками развития малых форм хозяйствования и агрохолдингов.

Когда в 2006 году государство начало заниматься АПК, ставка делалась исключительно на развитие индустриального производства. Затем, так и не построив промышленное производство, начали развивать фермерские и личные подсобные хозяйства. В обоих случаях никто не пытался разобраться, почему возникают те или иные трудности, отмечает директор «Агрофирмы «Трио».

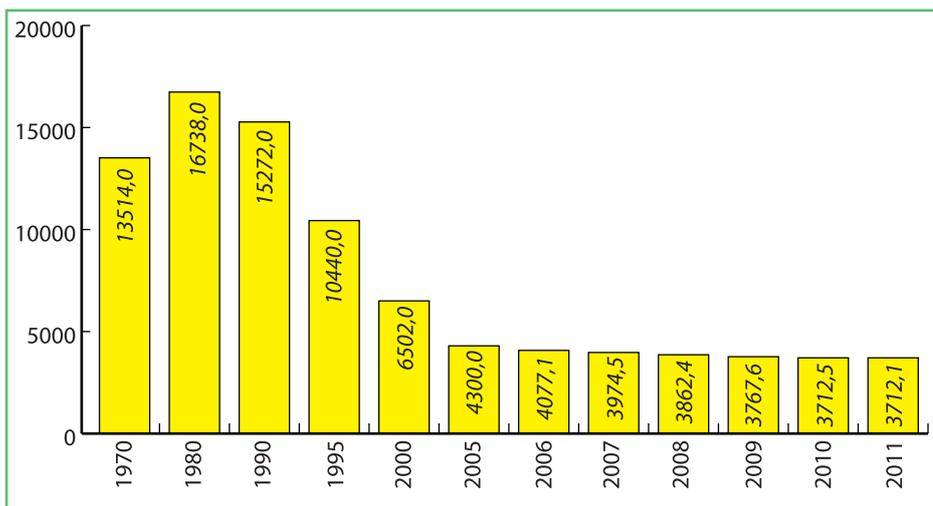
Отчасти этому есть объяснение: с на- ➔

МЯСО-МОЛОЧНОЕ СКОТОВОДСТВО

Поголовье коров в России во всех категориях хозяйств (тысяч голов), по данным Росстата и Минсельхоза РФ

Поголовье коров в России на сельхозпредприятиях (тысяч голов), по данным Росстата и Минсельхоза РФ

чалом реализации нацпроекта «Развитие АПК» в отрасль пошли колоссальные деньги, причем возврата кредитов никто особенно и не ждал. Как следствие этого, в отрасли оказались случайные, зачастую неподготовленные люди.

Вообще, в силу специфики отрасли фермерские и личные подсобные хозяйства ни по эффективности, ни по объемам никогда не сравнятся с индустриальным производством. «Фермер — при всех его плюсах — никогда не сможет быть эффективнее промыш-

ленного производства. У него на один трактор приходится меньше площади сельхозугодий, он заложник собственного формата бизнеса», — соглашается Евгения Уваркина.

Также нерешенным остается вопрос продовольственной безопасности: малые формы хозяйствования слишком чувствительны к колебаниям рынка, а значит, ненадежны для этой цели.

Есть и другой момент, политический: Россия — слишком большая территория, чтобы ее можно было контролировать только при помощи во-

оруженных сил. Именно поэтому многие экономически неэффективные сельские регионы искусственно поддерживаются на плаву — они выполняют функцию своеобразного контроля территории. К тому же, кроме работы на земле, на сельских территориях ничего нет, а вымирание малых форм неминуемо приведет к увеличению социальной напряженности.

В Европе тоже понимают социальную задачу фермерства, и государство создает все условия для формирования новых, экономически более выгодных форматов бизнеса.

«Для того чтобы обеспечить максимальную эффективность техники, на Западе создаются аналоги отечественных МТС (машинно-тракторных станций), и тогда это становится альтернативой индустриальному производству», — рассказывает Евгения Уваркина.

В то же время крупный бизнес хотя и может решить проблему продовольственной безопасности, но не в состоянии обеспечить стабильность на той или иной территории.

Конечно, идеи насчет встраивания жителей сельских территорий в структуру деятельности холдинга существуют, но для выполнения этой задачи нужны предприятия федерального уровня с огромными активами, управленческими ресурсами и выстроенной связью с правительством и финансовыми институтами. Таких предприятий по России считанные единицы.

«Не думаю, что агрохолдинги — это панацея, но отрицать их эффективность нельзя», — подводит итог исполнительный директор Российского союза предприятий молочной отрасли Владимир Лабинов.

Кризис малых форм

По данным Росстата, на долю фермерских и личных подсобных хозяйств приходится более половины от общего объема производства молока в России. Но это далеко не везде, замечает Евгения Уваркина, в реальности малые формы хозяйствования производят не более трети молока: «Был прецедент, когда мы ставили двухтонный танкер для сбора молока из 5 поселений. В день набиралось не более 80 литров».

По мнению участников отрасли, в Центрально-Черноземном регионе России доля молока, произведенного на сельхозпредприятиях, составляет более 80%. Конечно, есть регионы, где в силу специфики выгоднее развивать малые формы, но таких регионов мало.

В сущности, сегодня мы повторяем путь Польши и Чехии, где сектор малых форм хозяйствования практиче-

МЯСО-МОЛОЧНОЕ СКОТОВОДСТВО

ски полностью исчез. В первую очередь уйдут в небытие личные подсобные хозяйства — они уйдут со старшим поколением. Молодые не будут держать у себя в хозяйстве корову, когда нет ни инфраструктуры, ни уверенности в будущем.

Если говорить о фермерских хозяйствах, то и здесь придется признать, что фермеров в России практически нет. То, что сегодня называют фермерским хозяйством, не соответствует ему ни по уровню технического оснащения, ни по продуктивности. Зачастую фермеры владеют 5–10 головами дойного стада. Это уже не личное подворье, но еще и не ферма. Отсутствие технического оснащения делает производство такого уровня малорентабельным, а продукцию — нестабильной по качеству. Конечной целью такого хозяйства является не получение прибыли, а выживание.

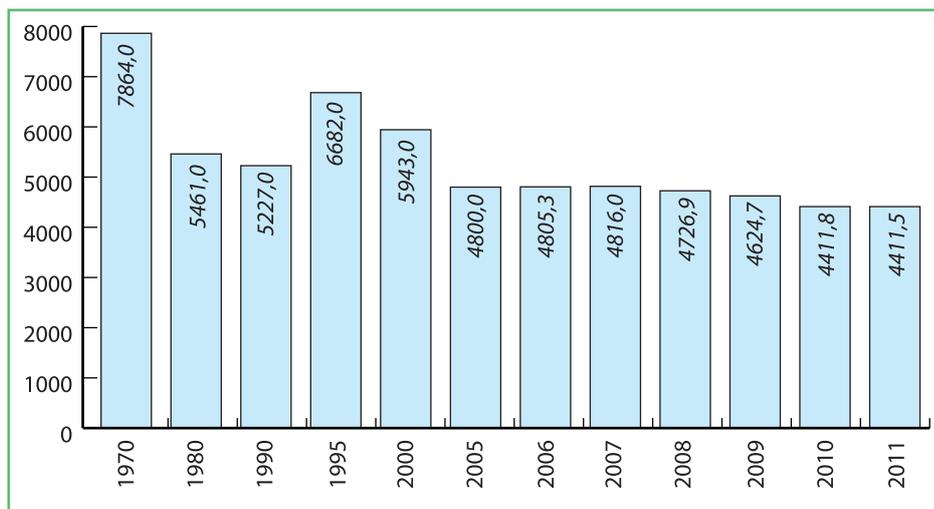
Выходом из ситуации могли бы стать объединения фермеров, как это случилось в Белоруссии и на Украине. Но в России этот формат пока распространения не получил.

«Это нормально, что фермеры не хотят объединяться, это заложено в человеческую природу, все новое и неизвестное всегда воспринимается в штыки. Задача государства — создать такие экономические условия, такую систему преференций, при которой новый вид хозяйствования окажется предпочтительней старого», — говорит директор «Агрофирмы «Трио» Евгения Уваркина.

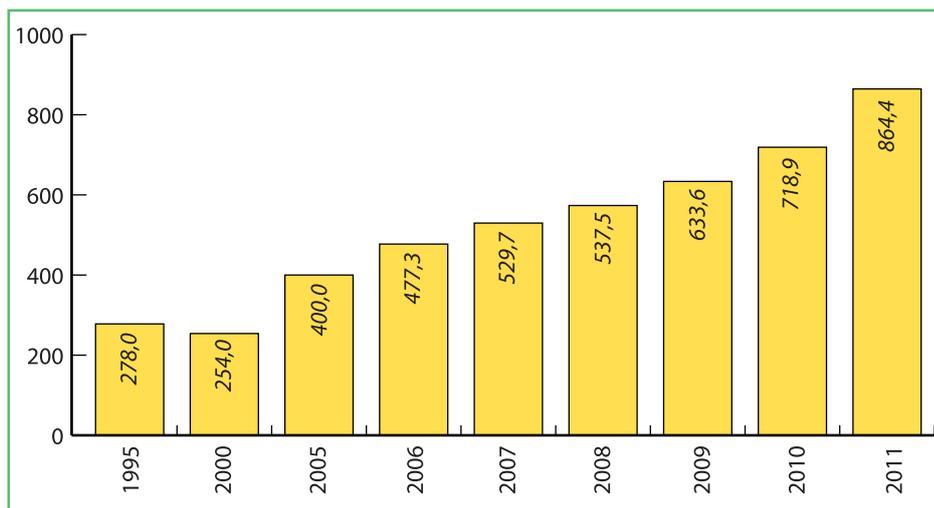
Впрочем, альтернатива есть: существует формат так называемых народных хозяйств. В сущности, это предприятия, акции которых были переданы их сотрудникам. Опыт работы таких предприятий есть. После падения социалистического режима такой формат получил распространение в Восточной Германии, Польше и Чехии. В то же время надо понимать, что с ходу он в России вряд ли приживется. «Такой формат подразумевает, что сотрудники являются как минимум специалистами, понимают проблемы предприятия и видят способы их решения. Каждый человек такого предприятия должен быть заинтересован не в минутной прибыли, а в стратегическом развитии компании. Это своего рода коллективный разум», — резюмирует Евгения Уваркина.

ВТОржение

Как считает большинство участников рынка, одним из первых испытаний для отрасли станет вступление России в ВТО.

Поголовье коров в России в хозяйствах населения (тысяч голов), по данным Росстата и Минсельхоза РФ

Поголовье коров в России в крестьянских и фермерских хозяйствах (тысяч голов), по данным Росстата и Минсельхоза РФ

«Если власть не примет дополнительных мер государственной поддержки отрасли, которые позволят гармонизировать уровень поддержки с другими странами-участницами, вступление России в ВТО только усилит нашу неконкурентоспособность. Для отечественных производителей это создаст серьезный риск потери существенной доли на собственном рынке», — опасается председатель правления Национального союза производителей молока Андрей Даниленко.

Впрочем, вряд ли стоит ожидать появления на полках магазинов импортного молока в чистом виде. Везти продукцию из-за границы невыгодно, убеждены эксперты, просто потому, что в России она не будет пользоваться популярностью. Натуральная молочная продукция не может иметь длительного срока хранения, ее транспортировка на большие расстояния невозможна. Но самое главное преимущество отечественных производителей лежит в области потребительских

Сегодня в молочной отрасли России несколько международных корпораций контролируют более половины всех закупок. И высокая закупочная цена на сырое молоко держится этими компаниями исключительно в рамках стратегических договоренностей с властями о присутствии на рынке. Но в какой-то момент высокая цена может перестать устраивать компании.

МЯСО-МОЛОЧНОЕ СКОТОВОДСТВО

ИМПОРТ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ (С УЧЕТОМ ТОРГОВЛИ С БЕЛОРУССИЕЙ) в 2006–2011 гг., тонн*

Код ТН ВЭД ТС	Наименование продукции	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год	2011 год
0401	Молоко и сливки без сахара (цельное), всего	152 007,4	118 794,3	78 679,1	118 489,0	190 124,7	204 472,5
		в т.ч. из Белоруссии	141 346,4	106 367,3	65 091,6	104 734,0	162 382,7
0402	Молоко и сливки с сахаром (сухое), всего	145 279,7	132 084,2	160 243,5	133 901,1	236 402,4	179 326,7
		в т.ч. из Белоруссии	137 049,7	119 057,2	141 425,9	120 695,1	157 594,4
0403	Пахта, йогурт, кефир, всего	24 922,7	44 718,3	44 817,0	34 731,0	41 430,0	51 889,8
		в т.ч. из Белоруссии	11 514,8	20 045,3	26 024,5	22 792,0	25 043,0
0404	Молочная сыворотка, всего	54 927,2	66 611,7	67 132,1	62 224,7	74 664,3	73 544,9
		в т.ч. из Белоруссии	7 236,2	10 889,7	6 673,1	8 806,7	26 012,3
0405	Сливочное масло и прочие жиры, всего	165 002,9	129 435,1	140 073,2	125 278,2	134 303,1	135 456,1
		в т.ч. из Белоруссии	53 481,9	54 170,1	55 615,6	63 739,2	55 815,1
0406	Сыры и творог, всего	300 936,1	332 968,3	349 972,0	352 992,1	421 343,2	420 865,9
		в т.ч. из Белоруссии	82 520,1	98 636,3	101 694,8	119 850,1	127 161,2

* – по данным ФТС России и Росстата

ЭКСПОРТ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ ИЗ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УЧЕТОМ ТОРГОВЛИ С БЕЛОРУССИЕЙ) в 2006–2011 гг., тонн*

Код ТН ВЭД ТС	Наименование продукции	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год	2011 год
0401	Молоко и сливки без сахара (цельное), всего	9 420,0	11 894,0	13 130,6	22 593,2	9 897,4	5 368,0
		в т.ч. в Белоруссию	288,8	282,0	313,6	317,2	323,4
0402	Молоко и сливки с сахаром (сухое), всего	38 282,0	33 942,0	35 911,9	29 592,8	18 919,7	6 486,2
		в т.ч. в Белоруссию	845,0	788,4	693,9	471,8	560,7
0403	Пахта, йогурт, кефир, всего	70 331,0	86 903,0	82 268,4	67 334,3	54 991,6	36 318,4
		в т.ч. в Белоруссию	9 779,6	11 583,1	10 497,0	10 816,3	11 856,6
0404	Молочная сыворотка, всего	793,0	606,0	462,4	252,2	328,1	750,7
		в т.ч. в Белоруссию	158,3	185,0	399,4	100,2	169,1
0405	Сливочное масло и прочие жиры, всего	2 632,0	4 131,0	3 974,0	4 272,1	2 892,8	2 167,2
		в т.ч. в Белоруссию	124,4	123,8	281,0	180,2	194,8
0406	Сыры и творог, всего	15 965,0	24 136,0	26 540,5	24 330,9	20 791,5	14 997,4
		в т.ч. в Белоруссию	2 348,6	2 833,5	2 789,6	2 887,9	2 722,5

* – по данным ФТС России и Росстата

предпочтений, меняющихся крайне долго и сложно. Для внедрения нового продукта на рынок может потребоваться не один год. Кроме того, конечный потребитель изначально более лояльно относится к продукции, произведенной в его регионе, чем к привозной.

Этот же момент отмечают и представители иностранного капитала. «Конечно, в связи с уменьшением импортных пошлин ввоз зарубежной продукции возрастет. Однако российский потребитель предпочитает покупать молочные продукты местного производства, так что локальные производители смогут использовать это преимущество», – говорит представитель «Danone-Юнимилк» в России Марина Балабанова.

Здесь надо отметить, что молочная продукция, за редким исключением, давно не импортируется не только из одной страны в другую, но зачастую даже в соседние регионы. Для вхождения на локальный рынок просто приобретается местное предприятие.

По этому пути идут и международные компании. Так, в конце января 2012 г. Olam International, являющаяся одной из крупнейших транснациональных сельскохозяйственных корпораций, приобрела 75% акций ООО «Российская молочная компания».

По сути дела, сегодня в молочной сфере мы видим ситуацию, когда несколько международных корпораций контролируют более половины закупок в России. Более того, в отрасли су-

ществует мнение, что высокая закупочная цена на сырое молоко держится этими компаниями исключительно в рамках стратегических договоренностей с властями о присутствии на рынке. Для российского рынка совсем не хорошо, когда иностранный капитал фактически является основным держателем цены: в какой-то момент высокая цена может перестать устраивать компании.

Опасения высказывает и Евгения Уваркина: «Иностранные инвестиции – это не плохо. Плохо, когда они контролируют всю отрасль. Это больше политический, чем экономический вопрос. Если Россия осознанно движется именно в этом направлении, то сложно говорить о том, что она будет

МЯСО-МОЛОЧНОЕ СКОТОВОДСТВО

представлять собой серьезную мировую державу».

Впрочем, не все разделяют эти опасения. Сам факт вхождения России в ВТО и по своей силе, и по значимости для молочной отрасли ничтожен по сравнению, к примеру, с колебанием курсов валют и биржевых котировок, считает Владимир Лабинов: «По группе сухих молочных продуктов, маслу, сыру пошлины будут незначительно снижены. Более того, это касается даже не всего объема импорта, а лишь его части. Так, снижение пошлин не распространяется на Белоруссию и Украину — основных импортеров молочной продукции в Россию».

Представители «Danone-Юнимилк» с этим не согласны, заявляя, что сегодня на сухое молоко действуют достаточно высокие пошлины, в то время как после вступления России в ВТО они будут снижены. Кроме того, отдельные страны — участницы ВТО выделяют своим сельхозпроизводителям значительные субсидии, что позволяет им предлагать продукцию по существенно меньшей, чем в России, цене.

«Снижение цен на товары длительного хранения, такие как сухое молоко, сыр, масло, может сделать отечественную продукцию неконкурентоспособной и неизбежно повлияет на цены на сырое молоко. Сегодня необходимы меры для защиты российских производителей, с тем чтобы молочное животноводство и перерабатывающая промышленность могли и дальше успешно развиваться», — отмечает директор по связям с общественностью и государственными органами группы компаний «Danone-Юнимилк» в России Марина Балабанова.

Ни сыра, ни войны

Другой серьезной проблемой, тормозящей развитие отрасли, является колоссальное количество фальсификата. На рынке сложилась непростая ситуация, связанная с обилием фальсифицированной молочной продукции — продуктов, в которых молочный жир с целью удешевления заменен на растительный. Во многом именно вследствие этой ситуации добросовестные производители, не выдерживая ценовой конкуренции, терпят убытки, в то время как компании, обманывающие потребителей, получают колоссальную прибыль.

«По оценкам некоторых экспертов, доля таких продуктов может составлять до 30%. Необходимо усилить роль государственного контроля и наказывать производителей, позволяю-

щих себе недобросовестную конкуренцию на рынке», — высказывают мнение представители «Danone-Юнимилк».

Чтобы урегулировать проблему, сегодня за фальсификацию продукции предусмотрен штраф порядка 1 млн рублей. «Необходимо несколько показательных процессов, которые навсегда отобьют охоту работать таким образом», — говорит председатель правления «Союзмолока» Андрей Даниленко.

Впрочем, подобные предложения относятся по большей части к импортерам. Во всяком случае, на это намекает пострадавшая от недавнего запрета украинская сторона. Февральский запрет без суда и следствия на ввоз в Россию сыров семи украинских предприятий обернулся для импортеров многомиллионными убытками. По разным оценкам, сумма недополученной украинскими сырделами прибыли составляет 15–26 млн долларов в месяц.

В то же время, как заявляет украинская сторона, сама идея фальсификации продукции не имеет смысла. Положительный экономический эффект наступает лишь в случае, когда доля растительных жиров замещает 75% животного жира, что в несколько раз превышает содержание жиров в запрещенных сырах. Кроме того, для производства такой продукции необходимо оборудование, которое скрыть невозможно.

В отрасли есть мнение, что запрет на импорт украинских сыров имел вполне определенные экономические цели. На сегодняшний день по некоторым категориям молочной продукции Украина и Белоруссия являются основными импортерами, и цены на их продукцию ниже российских.

В этом нет ничего удивительного, замечают эксперты. Часто в нормативных документах, регулирующих оборот продукции внутри рынка, устанавливаются жесткие, практически никогда и никем из внутренних производителей не соблюдаемые требования. В то же время когда этим требованиям не соответствует иностранная продукция, она вполне логично попадает под запрет.

Эпилог

Пока мировые игроки выясняют, кому будет принадлежать «кусочек экспортного пирога», Россия не может разобрататься с закупочной ценой на молоко, а отрасль в лучшем случае находится в подвешенном состоянии.

В небольшой Ирландии на одного человека приходится 15 коров, и 80%

молочной продукции страна экспортирует. Новая Зеландия экспортирует 90%. ЕС — третий по величине экспортер в мире. В России на 140 млн населения 9 млн коров. И это несмотря на усиленную поддержку отрасли со стороны государства на протяжении последних шести лет. Создается впечатление, что перспективы развития молочного бизнеса в России видят только иностранцы.

«Россия выбрана не случайно. Каждый год население Земли увеличивается, это основной фактор для повышения спроса на сельхозпродукцию. Для того чтобы этот спрос удовлетворить, в сельском хозяйстве необходима революция. Для большинства стран это невозможно по причине острой нехватки пахотных земель. Осталось не так много регионов, имеющих свободные территории, в числе этих регионов находится и Россия», — отметил на пресс-конференции по поводу слияния с «Российской молочной компанией» генеральный директор Olam International Санни Вергезе.

Для развития молочной отрасли в России есть и климатические, и географические условия. Это не так мало, как можно подумать. К примеру, в Мексике молочная отрасль изначально обречена на неконкурентоспособность — в стране очень мало водных ресурсов. У молочной отрасли в России определенно есть перспективы, настаивает Евгений Уваркина: «В России не достигнуты пределы эффективности производства, у нас имеются необходимые для развития рынка водные ресурсы. В то время как в ЕС исчерпаны практически все земельные ресурсы, а нормы экологической безопасности допускают содержание не более 2 голов КРС на 1 га, в России свободно порядка 20 миллионов га».

С этим соглашается директор одного из европейских подразделений компании De Laval Фернандо Мазерис: «В Европе, даже если у вас есть желание и средства, чтобы начать бизнес, вы не сможете купить землю, так как вся земля давно распределена. Кроме того, одним из основных моментов для развития эффективной отрасли является хорошая кормовая база, с этим, как я понимаю, в России тоже проблем нет».

Есть все основания предполагать, что Россия может стать одним из мировых гигантов по производству молока. По крайней мере, об этом говорят и иностранные, и российские эксперты. Тем не менее внутренних ресурсов для развития отрасли почему-то не хватает.

Николай НЕМЧИНОВ